

Василиса Арбатская

школа-интернат №1
имени В. П. Синякова, 11 класс

Остаться в живых

Стол. На столе—банка. Простая, из-под огурцов. В ней—одинокий пластмассовый кустик в непонятной слизи плавает в воде. Наклонишься до кромки—почувствуешь запах; заглянешь—на ребристом дне гниют отходы жизнедеятельности и дешёвый рыбий корм. А у стенки—рыба: бледная, большая, её полоски на некогда золотом теле поблёкли, а её брюшные плавники беспомощно опущены. Она часто дышит и озирается по сторонам своими золотыми умными глазами, мечась при малейшем звуке.

Это—Вечная, моя гурами. Когда-то у меня был аквариум, который я тщательно мыла каждое воскресенье, вынимая оттуда рыб и кладя их вместе в одну ёмкость. Они смешно прятались там, сбиваясь в стайки, и мне нравилось их ловить руками. А потом они все медленно погибли от неизвестной болезни, но я, как ни странно, не расстроилась: мне уже надоело ходить за кормом и чистить надоевший аквариум. Самой смывать их было жалко. Оттуда—пластиковый кустик, оттуда и рыба: она была единственной выжившей, и мне всё ещё приходилось за ней ухаживать. —Эй, вечная селёдка, пора! Будем мыть твой домик!—со смехом я говорю Вечной и несу в ванную, где выливаю весь этот органический суп вместе с животным в тазик и отмываю стёкла от бактериального налёта.

Гурами мечется: ей страшно. Глупая, не может привыкнуть уже пятый год.

Я наливаю чистой воды из-под крана в банку, беру рыбу—она выскальзывает из рук и падает за работающую стиральную машину!

Я замерла. Глаза—широко открыты. Ещё секунду назад она трепыхалась в руках, а теперь на них—только слизь. А агрегат шатается из стороны в сторону, громыхая и скрипя на всю квартиру.

Что делать?! Я сползаю вниз, на пол. Закрываю глаза. Вдруг вижу: карась. Отец их принёс с работы, говорил, что они плавали в реке час назад. Я видела

их: жёлтые бока с крупной чешуёй, алые плавники и закатившиеся глаза. Кажется, взмахнёт хвостом—и свалится со стола в поисках свободы! Но нет—на боку у рыбы алые точки следов от трезубца. Он погибал медленно, мучительно—отец видел его ещё живым. Каково это—медленно погибать?

А, вспоминаю ещё, как я покупала рыб! Множество стеллажей, множество видов—но я взяла именно её, Вечную, ведь когда я подошла к аквариуму, она подплыла ко мне, взглянула своими большими глазами—казалось, она смотрела осмысленно, с интересом,—и попыталась прикоснуться ко мне сквозь стекло своими плавниками, как руками!

Она каждое утро встречала меня, словом клянусь! Её глаза не теряли своей некой осознанности ни в моём аквариуме, ни в отсаднике, ни сейчас. А я? Заставила её медленно умирать в старой вонючей воде.

Доказано, что рыбки этого вида вне воды живут шесть часов, а в воде—шесть лет. Пять лет ужасной жизни уже прошли... и сейчас шесть часов в темноте и тесноте, когда ты медленно высыхаешь, пыль скапливается в твоих жабрах, а позвать ты не можешь никого...

Я одним рывком сорвала с места тяжёлый вибрирующий корпус, схватила бедную, косящую глазом Вечную и, омыв её чистой водой, быстро осмотрев, бросила в банку.

Гурами была цела. Но только сейчас я заметила, насколько она больна: сгнившие плавники, бледное тело, взъерошенная чешуя и повреждённый глаз. Я полезла в Интернет в поисках способов лечения болезней рыб. Через час я уже сидела рядом с розовой от марганцовки банкой, где плавала моя рыба.

Курс—на три дня. Потом, может, антибиотики добавим. Главное—поменять условия... Купить аквариум, дать отстояться воде, залить с грунтом с живыми растениями, установить фильтр, свет, грелку... Корм разнообразить. Но этим займёмся завтра. Надо будет пересчитать свои деньги, может не хватить.

Я посмотрела на удивлённую рыбу. Она с интересом и страхом изучала моё новое лицо: на нём растянулась весёлая и нелепая улыбка.

—Ну что, селёдка, начнём новую жизнь?

Надежда Уваева

гимназия №11, 8 класс
.....

Что же ты смеёшься, мальчик?

По рассказу В. П. Астафьева «Хвостик»

В этом году у нас новая, совсем молодая, учительница биологии Мария Николаевна Селина. На уроке по теме «Человек как часть живой природы» она показала нам видеofilm, снятый во время плавания по Енисею на теплоходе. Настоящий восторг у нас вызвали скалы, лес и сам Енисей. Мы порассуждали о красоте и величии Сибири, о роли человека в этом мире, а потом Мария Николаевна попросила нас прочитать рассказ В. П.

Первая строчка рассказа: «Смеётся, заливаясь, хохочет мальчик», — сначала направила меня просто искать причину смеха, этого веселья, а когда узнала, никак не могла согласиться с автором, что такое возможно, ведь только что мы с учительницей говорили об ответственности человека за всё живое на земле. Но история смеющегося мальчика всё перевернула с головы до ног.

В правдивости рассказа Виктора Петровича никто из нас не сомневался, как оказалось, с подобной «жестью» мои одноклассники встречались. Мастерство же нашего великого земляка — в умении найти слово, выстроить этот визуальный ряд так, что каждый из нас ощутил своё присутствие рядом с рассказчиком, наполнился его эмоциями, чувствованиями, его переживаниями. Такое ощущение, что я стою рядом с писателем, слушаю и разглядываю:

«...Возле вчерашнего, воскресного кострища, средь объедков и битого стекла, стоит узкая консервная баночка, а из неё торчат хвостик суслика и скрюченные задние лапки. И не просто так стоит банка с наклейкой, на которой красуется слово „Мясо“, на газете стоит, и не просто на газете, а на развороте её, где крупно, во всю полосу, нарисована художником шапка: „В защиту природы...“

Шапка подчёркнута не то красным ломаным карандашом, не то губной помадой, через всю полосу шатающиеся, промоклые красные буквы, из них составлено слово: „Отклик“.

— Что же ты смеёшься, мальчик?!

— Хво... хво... хвостик!

И „отклик“ на газете, догадываюсь я, написан не карандашом, а кровью зверушки».

После чтения в нашем шумном классе стояла такая тишина...

А передо мной и сейчас стоит эта картина, этот хохот — набат. Убит не только суслик, мальчик — убит. Кто эти убийцы? Кто услышит этот тревожный сигнал?

«Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растёт на ней, то растёт в заглушке, украдкой, растёт кривобоко — изуродованное, пораненное, битое, обожжённое».

Скоро исполнится двадцать лет, как нет с нами Виктора Петровича. Следующей весной мы решили с нашим учителем съездить, вернее, сплавить на любимый Овсянский остров писателя, надеясь увидеть своими глазами, как борется лес за жизнь; может, эта его борьба откроет и нам путь самоздоровления от нашей душевной немоты и слепоты, от нашего равнодушия.

Влада Мицукова

Литературный лицей, 11 класс
.....

Завтра пошёл снег

Нечаевым Олегу Павловичу и Ольге Петровне пришло письмо. Не одно на двоих, а отдельные с одним содержанием. Текст один, а они разные, слишком разные, чтобы терпеть друг друга ещё восемнадцать лет. Письма звали в суд, хотя ничего предосудительного они не совершали. Наоборот, трудились на благо общества: он — замечательным хирургом в городской больнице, она — учителем в школе. Оба интеллигентны, порядочны и в меру несчастны, как все нормальные люди.

...Познакомились в Анапе в 1987-м. Зачитывались Чеховым, оба очень высокого роста, оба в очках, худые и юные. Ей двадцать четыре, ему двадцать пять. Знакомили друг друга с родителями, фотографировались, прыгали с парашютом, переехали в Москву, спали в одной футболке в холодные зимы. А потом Олегу Павловичу не осталось места под футболкой: там появилась маленькая Оля.

Ольга Петровна её очень ждала, а Олегу Павловичу стало холодно. Он оказался человеком по натуре жестоким, работа изматывала его, он злился на двух Оль, и хотя мать учила дочку не бояться, девочка боялась. Злился он внезапно, без повода, но не часто. Раз в месяц. В остальное время был весёлый и рассказывал Оле про поезда, собак и о том, как жил при Советском Союзе.

Ольга Петровна растила дочь в любви и заботе, она была очень хорошим учителем, читала много книг по детской психологии, но с каждым годом всё больше работала, всё больше седела и всё больше хотела второго ребёнка. Олег не хотел. И Оля не хотела. У неё было много игрушек, наград и счастливое детство. Но каждое лето, возвращаясь с семьёй из Анапы, Оля знала, что обязательно случится такой вечер, когда мама будет плакать, а она не будет знать, что делать, будет и вечер (только

один вечер в году!), когда отец не сдержится и ударит её по щеке, а она назло не заплачет.

...Отец влюбился в женщину из Петербурга и скоро уедет. Ему и маме пришли письма из суда...

«Ничего предосудительного они не совершили,— сказала Оля Нечаева любимой подруге Ире.— Это абсолютно нормальное в нашем мире явление. Ирка, хватит есть, мне полезнее». С этими словами Оля забрала последний кусок пиццы. Сыр тянулся жирной отвратительной ниточкой. Есть не хотелось, но и говорить тоже. Ей в этот день было паршиво, не только из-за писем. Небо было большим и серым, как слон, а ей хотелось последней оттепели... Или настоящего снега. Оля не любила осень, потому что сыро и потому что осенью у неё все поумирали: в позапрошлом году—очень хорошая собака, в прошлом—любимая бабушка, которая была подругой больше, чем все остальные. Осень—предательница. Может ударить в любой момент, закрыться не успеешь.

Расставшись с подругой, Оля побрела по набережной домой, к письмам. Она войдёт и не будет ничего говорить, потому что это сугубо их дело. Глупо думать об этом, ожидаемо, что письма должны были прийти. Летом мама и папа ушли рано утром вдвоём, оба красивые, заказали такси до здания суда, вернулись довольные, впервые за несколько месяцев. А потом купили торт и открыли шампанское... Надо было догадаться, когда на годовщине свадьбы (первого сентября!) пили за Олины успехи, а не за любовь... Надо было понять.

Оля думает об этом, и ей жалко. Жалко, что они, наверное, уже больше никогда не поедут в Анапу, жалко эти чёрно-белые юные фотографии, их ласковые семейные прозвища... Оля вспомнила, как в восемь лет стояла ночью у двери, слышала, как родители часто-часто называют друг друга этими особыми именами, и не смела войти. Так и улеглась на полу...

«Зато теперь мне не будет страшно, почти никогда. Папа теперь не обзовёт „ошибкой природы“, не пожелает умереть, и не будет потом этих уничижительно-примирительных соков в коробочках и букетов на столе... Я больше не буду ждать этого дурацкого вечера». В эту минуту Оле показалось, что, кроме плохого, ничего не было. Слишком глубоко эта ранка внутри, слишком боится Оля сделать что-то плохо, слишком недооценивает свои успехи. «Нет! Вспоминай... Было, было хорошее... Не прибедряйся... Анапа, мы все вместе, море, они целуются, чайки над нами! Или истории про поезда. У папы такие большие узкие тёплые ладони: „Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы... Их придумал Ричард Рейнольдс, повтори...“»

Ах, зачем же папа пошёл врачом, если он всю жизнь любил поезда?

Оля идёт и улыбается, небо над ней серое, но это становится уже не важно, а важно то, что в сердце открылась какая-то потайная дверца: она простила... Простила всю эту вывихнутую историю, которая подходит к концу. Теперь всё будет иначе...

«Теперь нам всем наконец-то будет хорошо, мы все будем счастливые. Будем жить вдвоём: две Оли снова подружатся. Как раньше. А папа всегда любил Большой драматический больше Большого, Невский больше Арбата. Я буду приезжать к нему и звонить. Мы будем вместе меньше, но радостнее. Он наконец-то признается, что гордится мной...»

Как это, оказывается, легко—прощаться и прощать. Даже корень один. Я напишу об этом лингвистическое исследование, да! Господи, счастье, что я родилась именно такой! Ах да, мудрой. Именно у моей мамочки и моего папки. Они же мне всё дали. Они меня на самом деле очень-очень любят».

Оля бежала домой, и внутри у неё колотилось предчувствие первого снега, предчувствие посадки после шестичасового полёта, ей захотелось кривляться и танцевать, чтобы мир на миг стал мюзиклом, где она—главная героиня удивительной и неповторимой истории. «Я напишу об этом книгу и подпишу: „Выражаю особую благодарность моим маме и папе за всё на свете“».

Оля открыла дверь.

«Олег Павлович Нечаев, всё верно! Нет, это вы меня послушайте. Я не намерен ждать ещё шесть месяцев, это исключено! Это ваша работа, а не моя, моя—горбатиться восемь часов в сутки в операционной. Вы что, издеваетесь надо мной?!»

Нечаев вошёл в прихожую нервным и разгорячённым. Увидев дочь, вдруг остановился и тихо, глядя сквозь Олю, процедил: «Гадёныш». Оля молчала. «Ну ничего... Ещё полгода минимум с вами валандаюсь. Я из тебя человека сделаю!»—погрозил он пальцем и хлопнул дверью. Однако она снова распахнулась через минуту, вошла мама и, упав на кресло, просипела: «Как я устала! Как у меня болит голова...»

Оля ушла в свою комнату. Внутри у неё было пусто.

«А ночью пошёл снег. Много было снега! Он падал огромными хлопьями, целовал людей в глаза, искрился в свете фонарей. Снег—предвестник чуда и Нового года!»—писала Оля в тетради по математике, и горючие капли падали, растекаясь по полям.

Оля крепко уснула. Мать осторожно накрыла её пледом.

Ночью снег не пошёл. Пошёл на следующий день, но это было уже всё равно.